

...Момент истины настал!

Вот она, незримая граница состояния души и тела. Всё, я больше не принадлежу себе. Я — молекула, я — частица чего-то огромного, стремительно и мощно двигающегося в общем ритме парада, и нет силы, способной остановить движение.

«У-а-х... у-а... У-а-х... у-а...» — музыка мощного локомотива тысячами ног впечатывала в булыжную мостовую слитное единство всего парада. <...>

Армия как раз и есть то место, где человек чувствует себя частичкой ядра. А парад — это состояние летящего ядра.

Анатолий Янжула. Из рассказа «Парад»

Я ПИШУ О ВОЙНЕ

Я пишу о войне,
Я хочу их понять,
Их, ушедших во тьму,
И за них я кричу.

Я пишу о войне,
Эту ношу поднять
Дай мне, Господи, сил,
Я судьбой заплачу.

Мне судьба не в цену,
Я хочу лишь понять,
Как же дальше мне жить,
Если я промолчу.

Писать о Великой Отечественной войне мне, человеку, родившемуся в мае 1947 года, — поступок на грани

нахальства. И хотя нахальство — вещь труднообъяснимая, я, преклонив голову пред людьми, пережившими войну, попытаюсь покаяться в содеянном.

...Ряд новых двухэтажных бараков, растянувшихся вдоль окраинной улицы города, нависавшей последним домом над глубоким оврагом, являвшим скорее свалку, заселили в 1951 году. Разная приезжая и приبلудная публика, оседавшая по углам великой Родины, после военных вихрей, перемешавших их в людском водовороте, обустроивала своё нехитрое жилище как могла. Телевизоров и дач в то время ещё не придумали, и перед каждым бараком стояли обязательный, сколоченный из толстых плах стол и пара скамеек, где мужики по вечерам и в воскресенье с треском забивали козла. Игра это коллективная, шумная и всегда сопровождавшаяся трёпом. Мужики — почти все фронтовики, самые яркие события в их немудрёной жизни в основном произошли на войне, а потому и разговоры шли тоже в основном о войне. А если ещё на столе появлялась бутылка, а то и не одна, вот уж тут только слушай. А кто ещё и приврёт чего по пьяной лавочке. Мы, барачные пацаны, конечно, не упускали возможности узнать о подвигах своих и чужих отцов. Мужики, для яркости боевых событий, в выражениях не стеснялись, события и всякие военные баталии часто описывались совсем не так, как их показывали в редких фильмах про войну.

Мой отец, тоже фронтовик, отслуживший в армии вместе с фронтом без малого семь лет, в таких разговорах почти не участвовал. Видимо, он стеснялся рассказывать что-либо, потому как воевал на Дальнем Востоке с японцами. Об этой войне как-то стыдливо умалчивают даже сейчас как о войне ненастоящей, второсортной. Конечно, военных действий там было не так много, как на западе. И вообще там было всё немного не так. В августе сорок пятого наши солдаты, как все нормальные русские, пошли на японцев там, где армия другой нации ни за что бы не прошла, — через пустыню Гоби и Хинганский горный хребет. Батиной противотанковой бригаде достался путь через Хинган. Как

на грузовике ЗИС-5 можно было проехать по диким зарослям горного хребта — я и сейчас не пойму. Да что там грузовик: и танки, и артиллерия — всё на солдатских руках. Отец рассказывал, как прикованные цепью японские пулемётчики стреляли до последнего патрона, как срывались в пропасть горных ущелий машины и танки. Родителям и детям погибшего на войне солдата не легче оттого, что эта война была не на слуху и что она не такая героическая, как та, другая. Боль в душе не меньше. Но он слушал рассказы, порой и излишне хвастливые по пьяной лавочке, и молчал.

И только когда я, уже будучи молодым мужчиной, ходил с ним зимой на дачу за разными припасами и мы с мороза доставали из подвала бутылку самодельного вина, вот тут его в мужском разговоре прорывало. Иногда и до слезы, разбавленной каплями того вина.

Я много читал о войне, собрал приличную подборку книг из серии «Военные мемуары», уже, к сожалению, не издающуюся, пытался не упускать возможности разговорить встретившегося мне фронтовика.

Никогда не забуду яркие, образные фронтовые байки дяди Сани Ямских, машиниста тепловоза, героя моего рассказа «Недоразумение». В свои шестьдесят лет, а тогда он мне казался уже глубоким стариком, дядя Саня сохранил такую энергию, реакцию на несправедливость и расхлябанность, что и любому молодому начальнику позавидовать не грех.

Или Дмитрий Иванович Парубок, за войну дослуживший от сержанта до майора, за резкость своего характера и несдержанность разжалованный в рядовые и ко дню Победы вновь носивший погоны капитана. Однажды при копке картошки в подшефном совхозе крепко задождило, дороги раскисли, и на смену нам никто не приехал. Мы с ним остались вдвоём в вагончике нашей бригады. Я был ещё неразумным учеником-слесарёнком, копать картошку мне, конечно же, не хотелось, и после завтрака я улёгся на нары. Дмитрий Иванович поднял меня, сунул в руки ведро и заявил, что пойдём копать вдвоём. Несмотря на моё изумление, пришлось подчиниться. Так и прокопали вдвоём на необъятном поле под проливным дождём весь день. Вечером,

продрогшие и промокшие до нитки, отогревались у печки. Дмитрий Иванович посмотрел на меня, трясущегося и синего от холода, похлопал по плечу, ободряюще подмигнул и сказал: «Вот видишь, паря, не зря день прожил. Молодец! На фронте таким же пацанам больше досталось». Я от гордости за себя и трястись перестал.

А наш преподаватель математики Лев Моисеевич Злотин! Добрейший и глуховатый фронтовик-артиллерист Лев Моисеевич. Несмотря на его имя-отчество, более откровенного русака я, пожалуй, и не встречал. Простой, как правда, и бескомпромиссный до отчаяния, он нам, пятнадцатилетним пацанам, внушал понятия чести, справедливости и патриотизма по-мужски прямо и доходчиво. Когда нам надоедало слушать сухую и занудную математику, мы сговаривали его рассказать что-нибудь о войне. Он долго и отчаянно махал руками, не соглашаясь, затем говорил своё знаменитое: «Что с вами, бандитами, делать...» — приоткрывал окно, закуривал свою неизменную тонкую «северину», садился на край стола, и добрых пол-урока мы, затаив дыхание, слушали Правду Войны. От него я и услышал, что когда солдаты шли в атаку, они не всегда кричали «За Родину, за Сталина», это была задача замполитов. Мужики или матерились, распаяя себя, или просто орали звериное «А-а-а...». А когда солдат умирал, он тоже не всегда говорил: «Прошу считать меня коммунистом...» Чаше он шептал «мама» или «больно». И ещё одна житейская фронтовая истина: «Если бы не наркомовские сто граммов — неизвестно, сколько бы ещё война продолжалась. Порой на них только и держались».

Фронтовики уходят, годы и раны берут своё. Вместе с ними уходит и наша история. Я не верю, когда говорят: «Ничто не забыто, никто не забыт». Да неправда всё это! Люди, а особенно русские люди, забывчивы, когда дело касается истории. Невосполнимо многое ушло с этими простыми и порой несчастными людьми, с изломанными душой и телом. Мои скромные попытки хоть что-то сохранить из того, что я слышал и помню, и будет моим долгом перед ними.

Я не берусь судить о войне в целом. Это непосильная задача. В своих рассказах и повестях я пытаюсь воссоздать

короткие, как вспышки, миги войны. Одну лишь маленькую точку, секунду, из миллиардов которых складывалась общая картина подвига русского народа.

Дочитав последнюю страницу любого моего рассказа или повести о войне, задумайтесь. Я сознательно ухожу от описания батальных сцен и кровопролитных сражений. Я стараюсь писать о людях на войне, о переплетениях их судеб, о поведении человека, осознающего гибель в любую минуту. И если вы полюбите моих героев, как полюбил их я, не пытайтесь домыслить, как дальше сложатся их судьбы. Писать, что все они дожили до Победы, было бы прегрешением перед правдой. Война есть война, а для неё все равны. Просто, увидев рядом человека с орденскими планками, представьте себе, что это и есть те люди, о которых я вам рассказал. И постарайтесь быть к ним чуточку добрее.

Они это заслужили...

**Анатолий Янжула на встрече со школьниками
Красноярск. Октябрь 2016**